

Людская фантазия не знала преград. Зеваки умудрились домыслить и довести до «абсолютного совершенства» то, чего и в помине не было.

— Да, благородство старшего молодого господина Шэня воистину восхищает, — шептались в толпе. — А вот Великий наставник Цинь явно перегибает палку...

— И то правда! Посудите сами: у премьер-министра всего двое сыновей. Если одарённый первенец погибнет, оставив после себя лишь никчёмного сына от наложницы, род Шэнь неминуемо угаснет!

— Некому будет продолжить семейное дело...

Ропот сочувствия становился всё громче. Из-за подстрекательства нескольких умелых заводил люди начали смотреть на семейство Цинь — истинных пострадавших — с явным осуждением и подозрением.

— Евнух Фу прибыл! — разнёсся пронзительный возглас.

Со стороны, откуда донёсся резкий крик, катилась роскошная карета, окружённая внушительным отрядом стражи. Дело принимало нешуточный оборот.

Солдаты грубо оттеснили зевак к обочинам, освобождая дорогу. Экипаж замер. Из окна показалась холёная белая рука, и молодой слуга тут же подбежал, подставляя плечо для опоры. Все взоры устремились на важного гостя, и никто не заметил торжествующей искры, вспыхнувшей во взгляде Ли Сянлань.

Из кареты степенно сошёл мужчина лет сорока — верховный распорядитель и личный слуга императора, евнух Фу.

При виде него Великий наставник Цинь заметно помрачнел. Стоило госпоже Шэнь затеять эту нелепую комедию с подменой обвиняемого, как тут же явился государев любимец. Поверить, что это простое совпадение? Ни за что! Значит, вот какую карту придерживал в рукаве хитрый Шэнь Даосюэ, пока сам трусливо отсиживался в усадьбе!

Визит столь высокой особы вынудил премьер-министра Шэня наконец показаться. Он даже не успел сменить придворное облачение; на его лице читалась глубокая, изнуряющая усталость. Только переступив порог дома, он узнал, какую кашу заварил его старший сын. И единственным выходом из этой ловушки было принести в жертву младшего, сына от наложницы.

Появление отца вернуло Шэнь Сыюаню крупицу сил, но надежда угасла мгновенно. Шэнь Даосюэ даже не взглянул в его сторону.

"Развязка предreshена, — Шэнь Сыюань горько усмехнулся, чувствуя, как последние силы покидают тело. — Мачеха водит дружбу с евнухом Фу. Он прибыл не ради моего спасения, а чтобы поскорее отправить меня на плаху"

Премьер-министр Шэнь не смел смотреть на младшего сына, да и на старшего с супругой глядеть не желал. Сгорая от стыда, он приблизился к евнуху Фу:

— Увы... Полагаю, почтенный евнух уже обо всём осведомлён. Мне нечего сказать в своё оправдание. Не сумел воспитать сыновей как подобает, лишь опозорился перед вами!

Евнух Фу одарил премьер-министра понимающим взглядом. Сначала он чинно кивнул Великому наставнику Циню, а затем подошёл к Шэнь Даосюэ и заговорил — звучно, веско, властно:

— Не стоит так убиваться, господин премьер-министр. Старший молодой господин Шэнь известен своей скромностью и выдающимся умом, он во всём унаследовал ваши лучшие черты. К тому же его трогательная забота о младшем брате не укрылась от взора Его Величества. Однако позвольте старому слуге дать совет: законные дети и отпрыски наложниц — это совершенно разные вещи. Эту черту переступать не следует.

Одним этим замечанием евнух Фу определил участь Шэнь Чжихэ и Шэнь Сыюаня.

Великий наставник Цинь насупился, а его супруга застыла в изумлении. Было очевидно: на этот раз император открыто принял сторону Шэнь Даосюэ.

Шэнь Чжихэ, услышав это, сник ещё сильнее. Он безмолвно стоял на коленях, всем видом выказывая немое сопротивление. На лице же премьер-министра Шэня не отразилось и тени радости от высочайшей милости, но сколько в этой покорности было притворства, знал лишь он сам.

Поддерживаемая служанками, Ли Сянлань поспешила к евнуху Фу. Склонившись в изящном поклоне, она преисполненным признательности голосом обратилась к своему названому брату:

— Моя глубочайшая благодарность вам, уважаемый евнух. Если бы не вы, мой бедный сын...

Евнух Фу деликатно уклонился от её руки, сделав шаг назад:

— Полноте, госпожа Шэнь. Я лишь излагаю факты и ни в коем случае не покровительствую вашей семье.

С этими словами евнух обернулся к мрачному Великому наставнику Циню:

— Кончина молодого господина Циня искренне опечалила Его Величество. Однако впредь Великому наставнику стоит усерднее наставлять своих сыновей, дабы они не растрачивали жизнь в столь сомнительных заведениях.

Слова евнуха выражали волю императора. Гибель Цинь Чуаня в борделе сама по себе бросала тень на благородное семейство, а тут они ещё и растрезвонили об этом на всю столицу. К тому же репутация покойного при жизни была немногим лучше, чем у Шэнь Сьюаня. С точки зрения евнуха Фу, избавление города от обоих повес пошло бы только на пользу. И раз уж Ли Сянлань доводилась ему названной сестрой, глупо было вставать на сторону Циней.

— Слушаю и повинуюсь, — Великий наставник Цинь смиренно склонил свою некогда гордо поднятую голову.

Устраивать скандал у ворот соперника действительно было верхом неприличия. Но в душе его klokотала глухая ярость: император обошёлся с ним несправедливо! Его сын мёртв, и у него отняли даже право на законное возмездие?

Понимая, что погубить Шэнь Чжихэ не удастся, он выместил всю злобу на Шэнь Сьюане. Впрочем, разум подсказывал: для семьи Шэнь смерть никчёмного сына от наложницы не станет большой потерей.

— Уважаемый евнух, горе от утраты сына едва не лишило меня рассудка. Лишь благодаря вашему мудрому наставлению я вовремя одумался. И всё же, что до убийцы...

Евнух Фу небрежно смахнул невидимую пылинку с рукава и равнодушно бросил:

— Разумеется, он полностью в вашей власти, Великий наставник.

За всё это время он ни разу даже не взглянул в сторону Шэнь Сьюаня.

Закончив разговор, евнух Фу поспешил подняться в карету: его ждал император. В столь деликатной обстановке задерживаться на чаепитие было неуместно. Впрочем, он не сомневался, что Ли Сянлань щедро отблагодарит его за услугу.

Столицу быстро наводнили слухи, и уход важного сановника лишь подстегнул любопытство толпы. Теперь, без сомнения, репутация рода Шэнь не только не пострадает, но взлетит на небывалую высоту: старший сын — образец добродетели, а премьер-министр с супругой — мудрые родители. На младшего же сына от наложницы всем было наплевать. Толпа взирала на его распростёртое тело так, словно перед ними лежал покойник.

Великий наставник Цинь понял: дело сделано, ничего не вернуть. Его сын погиб, а имя настоящего виновника теперь надёжно сокрыто завесой тайны. Он обменялся взглядом с женой, которая смотрела с неистовой яростью, но воля императора была непреклонна. Им,

простым подданным, оставалось лишь смиренно принять высочайшую волю.

Великий наставник Цинь перевёл тяжёлый взор на безвольно лежащего у ворот Шэнь Сьюаня, которого семья просто выбросила на съедение волкам. С самого начала этот юнец не проронил ни слова.

— Сын от наложницы семьи Шэнь, признаёшь ли ты свою вину? — ледяным тоном спросил Цинь.

Оклик вывел Шэнь Сьюаня из забытья. Он с трудом поднял голову, посмотрел на старика, пришедшего вершить суд за своего сына, и выдавил из себя:

— Я никого не убивал. С чего мне сознаваться в том, чего я не совершал?

Голос его был пугающе тихим и хриплым, а удушливый ком в горле мешал дышать. Жгло так, точно изнутри по нему полоснули бритвой. Шэнь Сьюань смутно осознал: в тех винных кувшинах явно было подмешано кое-что погорячее обычного вина.

— Ах ты!..

— Неблагодарная тварь! — завизжала Ли Сянлань, не дав Великому наставнику Цинь вставить и слова. — Я растила тебя целых двадцать лет! А ты мало того что натворил бед, так ещё и позволил старшему брату принять удар на себя! Как тебе не стыдно перед отцом, перед Чжихэ, перед всем нашим родом?!

Опомнившись, она поняла, что едва не выдала себя излишней горячностью, но, к счастью, вовремя спохватилась. Прикрыв глаза в притворном бессилии, она покачнулась, разыгрывая глубокий обморок от переполнявшего её горя.

Премьер-министр так и не удостоил младшего сына взглядом. Он сухо бросил Великому наставнику Циню:

— Раз так, Сьюань в вашем распоряжении. Делайте с ним что хотите.

Каждая секунда пребывания здесь была для него изощрённой пыткой.

Тяжёлые створки ворот поместья захлопнулись с гулким, безжалостным стуком, отрезав семью от любопытных глаз толпы. Шэнь Сьюань остался лежать на холодных каменных ступенях — всеми покинутый, обречённый на смерть.

Зеваки с презрением плевали в сторону обречённого юноши, который даже перед лицом неминуемой гибели упрямо отпирался. Настоящий выродок! Жалкое ничтожество, у которого

хватило духу оклеветать собственного брата и попытаться утащить его за собой в могилу. Какое бессердечие!

Исход был предрешён: Шэнь Сьюань погиб. Он стал первым отпрыском знатного рода в столице, чья голова покатила по пыльным доскам эшафота на базарной площади. Так нелепо и бесславно оборвалась его жизнь. В тот год ему исполнилось ровно двадцать лет.

Но судьба распорядилась иначе. Шэнь Сьюань и помыслить не мог, что вновь откроет глаза — шестнадцатилетним юнцом. Он по-прежнему оставался никчёмным сыном от наложницы с дурным характером, окружённым заботой и «любовью» своей законной матери.

Очнувшись, Шэнь Сьюань ощутил приятную прохладу кровати из холодного нефрита и уловил тонкий, знакомый до боли аромат успокаивающих благовоний. Он посмотрел в сторону: на резных полках всё так же красовались дорогие безделушки, которые заботливо выбирала для него мачеха.

Рядом сидел слуга Сяо Тан, вяло помахивая веером из пальмовых листьев. Его веки слипались, и он мерно клевал носом.

Пошёл второй день после его перерождения, но реальность происходящего всё ещё казалась зыбкой. Неужели казнь вместо Шэнь Чжихэ была лишь кошмарным сном? Однако, глядя на свои гладкие, ещё по-юношески тонкие пальцы, он понимал: нет, всё было по-настоящему. Он умер в двадцать лет.

Но теперь вернулся.

— Молодой господин, вы проснулись? — Сяо Тан встрепнулся. — Госпожа только что прислала служанку передать, что нынче стоит невыносимая жара. Коли у вас нет охоты к наукам, можете отдохнуть дома пару-тройку дней.

Заметив, что хозяин открыл глаза, слуга торопливо отложил веер и велел служанкам принести влажное полотенце, охлаждённое в колодезной воде. Зной стоял такой, что даже дышать было тяжело, не то что шевелиться.

Услышь Шэнь Сьюань подобное прежде, он прыгал бы от радости. Но сейчас сердце пережившего смерть сына от наложницы не отозвалось и тенью веселья. Слова «смерть через утопление» навеки выжглись в его душе.

Шэнь Сьюань потянулся, разминая затёкшие члены, и не спеша поднялся. Книги он и впрямь не жаловал, но виной тому во многом было «воспитание» Ли Сянлань. К нему и к его старшему брату законная мать всегда относилась совершенно по-разному. В такой зной она безжалостно

гнала упирающегося Шэнь Чжихэ за учебники, а ему, младшему, ласково нашептывала, что можно и побездельничать.

Раньше Шэнь Сыюань считал мачеху лучшей женщиной на свете и сокрушался, почему не родился от её плоти. Лишь теперь он разглядел истинную суть её «материнской заботы».

— Молодой господин, вы куда? Подождите меня! — взмолился Сяо Тан, глядя, как хозяин стремительно направляется к выходу.

Обливаясь потом под палящими лучами солнца, слуга поплёлся следом. С самого вчерашнего дня с молодым господином творилось что-то неладное. Сначала он до глубокой ночи просидел на кровати из холодного нефрита — бледный, безмолвный, не прикоснувшись ни к еде, ни к воде, а затем провалился в беспамятный сон до самого обеда. Казалось бы, проснувшись, он должен прийти в себя. Однако господин даже не пожаловался на жару и не устроил привычной истерики — просто молча шагнул в раскалённое марево двора.

Спешно раскрыв огромный зонт, Сяо Тан засеменил следом, стараясь укрыть хозяина от палящего зноя:

— Да куда же вы, господин?

— Праздновать! — бросил Шэнь Сыюань.

— А?.. — Сяо Тан растерянно моргнул.

Посмотрев на раскалённые камни под ногами, он недоумевал: что тут праздновать в такую невыносимую духоту? Неужто избавление от скучных уроков?

Шэнь Сыюань действительно шёл праздновать — своё возвращение с того света. Разве мог он пощадить тех, кто подставил его под топор палача?

Вчера, едва очнувшись, он долго не мог осознать, что снова жив. Горло саднило, словно его всё ещё пожирал огонь, а внутренности скручивало спазмами гнева. В порыве безумия он едва не схватился за тесак, готовый изрубить всю эту проклятую семейку. Но вовремя одумался.

Разве заслужили его палачи столь лёгкую, быструю смерть?

"Они заслужили не просто смерть, — Шэнь Сыюань крепко сжал кулаки. — Я заставлю их молить о пощаде. Медленное, мучительное увядание подойдёт им куда больше"

Шэнь Сыюань сделал глубокий вдох, ощущая, как раскалённый воздух обжигает лёгкие. На сей раз пощады не будет никому.

<http://bllate.org/book/19456/2028744>